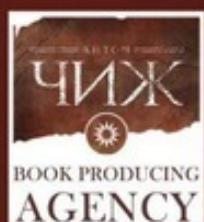

СЕРГЕЙ ЛЕОНТЬЕВ

ЯЗВА

ИНОГДА ЭПИДЕМИИ НЕ ТО, ЧЕМ ОНИ КАЖУТСЯ

НОВЫЙ
РУССКИЙ ДЕТЕКТИВ
ОТ АНТОНА ЧИЖА

Rideró

Сергей Леонтьев

Язва

«Издательские решения»

Леонтьев С.

Язва / С. Леонтьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986235-8

1979 год, расцвет СССР, на следующий год — Московская олимпиада. А в городе С. начинается эпидемия неизвестной болезни, которая может уничтожить население города, сменить руководство спецслужб и отменить олимпиаду. На фоне чудовищной угрозы врач скорой помощи Сергеев ведет расследование малозаметного, на первый взгляд, убийства. К чему оно приведет? Сергей Леонтьев начал писать роман «Язва» задолго до пандемии коронавируса, но вдруг события 40-летней давности стали крайне актуальными.

ISBN 978-5-44-986235-8

© Леонтьев С.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Дело №17	8
Глава 1. Тише едешь – дальше будешь	8
Глава 2. Кабинет номер шесть	14
Глава 3. Следствие ведут	19
Глава 4. А город подумал	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Язва

Сергей Леонтьев

© Сергей Леонтьев, 2020

ISBN 978-5-4498-6235-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

1 апреля 1979 года, воскресенье, 18.30.

В/ч 17052, биологическая лаборатория, сектор А.

«За время дежурства в боксе номер один летальных исходов восемь. В боксе номер два летальных исходов один. В боксе номер три летальных исходов не зарегистрировано».

Младший научный сотрудник лейтенант войск химической защиты Сергей Фёдоров отложил ручку и посмотрел на часы. Через тридцать минут в клубе танцы, а ему ещё животных препаратом «Б 540» обрабатывать. Если, как требует инструкция биологической безопасности, противочумный костюм надевать, – к началу точно опоздает. И Танюшу опять старлей Кирилов, наглый и развязный, домогаться начнёт.

Нацепив войсковой респиратор 3 класса защиты с оранжевым фильтром, Сергей снял с биоконтейнера пломбу и осторожно достал баллон с препаратом. Как и в первый раз, почувствовал противную дрожь во всём теле; по спине, несмотря на регламентные двадцать два градуса в помещении, пробежали ручейки пота. Хотя опасности никакой: баллон герметичный, если по невероятной случайности препарат попадёт в атмосферу, респиратор третьего класса гарантированно защитит, фильтр даже вирусы улавливает, не то что споры. Фёдоров уже год проработал в этой сверхсекретной лаборатории, но до конца преодолеть почти животный страх перед создаваемой здесь невидимой смертью так и не смог.

Когда после окончания биофака его пригласили в райком и незнакомый товарищ в штатском предложил работу на одном из объектов Главного управления «Биоресурса», Сергей не раздумывая согласился. О таинственном «Биоресурсе» и засекреченном хозяйстве генерала Огарёва на факультете ходили самые невероятные слухи, граничащие с научной фантастикой. Таинственным шёпотом, оглядываясь по сторонам, говорили, что в лабораториях «Биоресурса» делают *такое*, что вслух произносить категорически не рекомендуется.

Надо бы фильтры выпускные проверить, но это ещё потерянные пять минут. Да и замнач майор Белявский утром заглядывал, лично всё проверял, даже респиратор, который сейчас на Сергее.

Вспомнив об утреннем визите руководства, Фёдоров почти успокоился, руки перестали предательски подрагивать. Держа баллон на вытянутых руках, подошел к боксам с крысами. Через переходник осторожно присоединил ёмкость к системе подачи воздуха в бокс с молодыми животными, открыл вентиль и включил секундомер. Крысы заволновались. Препарат не имел ни вкуса, ни запаха, но не зря же крысы заранее удирают с тонущего корабля, предчувствуя опасность. Удивительные создания эти крысы. Могут жить и размножаться даже в холодильниках, спокойно выдерживают триста рентген в час, никакая зараза их не берёт. А препарат берёт, причём именно так, как задумано. Молодые самцы за сутки почти все сдохнут. Молодые самки – не более десяти процентов. Среди старых животных заболеют единицы. Но уж если заболеют, откинут лапки в течение часа.

Обработав молодёжь, Сергей подошёл к боксу со стариками. Те тревожно забегали ещё до присоединения баллона.

«Не суетитесь, дурачье. У вас-то хорошие шансы».

Несмотря на привкус опасности, Фёдоров любил свою работу и гордился ею. Передний край биологической науки! Родина поставила задачу, учёные задачу выполняют. Практически создано идеальное биологическое оружие. Американцы, с их нестойким токсином ботулизма, будут грызть локти. И он, молодой специалист Сергей Фёдоров, причастен к большой науке. С самим академиком Бурасенко за руку здоровался. А зарплата в триста пятьдесят у выпускника биофака, это вам как? Это не учителем биологии в средней школе прозябать.

Закончив обработку, Сергей проверил температуру, давление воздуха в блоке и включил принудительную вытяжку. Звук работающей системы очистки ему не понравился: сегодня он был какой-то неровный. Показалось даже, что в блоке появились посторонние запахи, как будто подгорела проводка. Сергей несколько раз втянул носом воздух, но больше ничего не почувствовал. Да и не могло там ничего подгореть, биозащита автоматически сработала бы.

«Записать в журнале о неровном звуке в очистке и запахе? Пожалуй, не стоит, мало ли что в конце смены почувдится, да и майор всё проверил».

Сергей перевернул несколько страниц и поморщился. Так и есть, техник Чернов выпускные фильтры в регламентный срок не заменил. По крайней мере, запись отсутствует. Или забыл записать? Надо бы проверить, но времени в обрез.

«Фильтры завтра проверю, – думал Фёдоров, поворачиваясь в шлюзе под струями воздуха с обеззараживающей смесью. – Совсем Коля Чернов обнаглел».

Не нравился Чернов Сергею в последнее время: нервный стал, дерганный, на работу выходит небритый, с выхлопом, иногда во время смены отлучается куда-то. Оно и понятно, после истории со спекуляцией не так задёргаешься, но куда особист смотрит? Когда не надо, везде свой длинный нос суёт. Плохо, конечно, что всеобщий бардак и сюда докатился. Особый отдел давно уже должен был Чернова от работы отстранить.

Выйдя из шлюза, Федоров быстро переоделся в парадную форму, активировал систему защиты от несанкционированного доступа и заспешил в клуб.

Часть 1. Дело №17

Глава 1. Тише едешь – дальше будешь

02 апреля 1979 года, понедельник, раннее утро.

«Седьмая, на машинную!»

Усиленный динамиками хриловатый голос Лиды Ненашевой из диспетчерской бесцеремонно ворвался в сладкий утренний сон.

«Седьмая бригада, машинная на Космонавтов!»

«Почему селектор? На ночь же отключают! И почему седьмая? Где реанимация?»

Андрей сбросил тонкое шерстяное одеяло, потянулся, с наслаждением зевнул, протёр глаза и пригладил длинные растрепавшиеся волосы. За окном робкие утренние сумерки, в мужской комнате отдыха занята одна-единственная, его койка, светящиеся часы над дверью показывают шесть тридцать. Беспокойная ночь закончилась, наступило самое тягостное время: конец дежурства и начало утренней нагрузки. Граждане просыпаются, просыпаются и болячки. Гипертонические кризы, приступы астмы, инфаркты, инсульты – чаще всего по утрам. Кто-то спешит на работу, не смотрит по сторонам, кто-то возвращается на машине домой после затянувшейся вечеринки, и пожалуйста вам, «машинная на Космонавтов». То ли очередной бедолага проснулся под колесами, то ли лихачи не поделили перекресток. Длинный проспект Космонавтов, плавно огибающий огромную территорию знаменитого завода, был излюбленным местом ночных автогонок. Все бригады в разгоне, вот и до специалистов очередь дошла.

В комнату стремительно ворвалась верная помощница, башкирка Альфинур, или попросту Анечка, метр с косичками.

– Доктор, машинная на Космонавтов!

– Да слышу, слышу, – проворчал Андрей, нехотя поднимаясь.

Вызовы на автомобильные аварии он не любил. До сих пор по ночам снилась первая его машинная: трамвай со всей пролетарской ненавистью, как выражается заведующий реанимацией Серёга Петров, протаранил рейсовый автобус. Крики, стоны, ругань, торчащие обломки костей, кровь, двенадцать пострадавших, три на месте... Боевое крещение, блин. А в «Вечёрке» потом коротенькая заметка в подвале: трамвай столкнулся с автобусом, несколько человек госпитализированы. О том, что двое взрослых и один ребенок сразу в морг, ни слова. Хорошо хоть невропатологам такое перепадает нечасто, когда на подстанции не остается реанимации или БИТов, новомодных бригад интенсивной терапии.

– Сколько пострадавших? Тяжелые? – Андрей еле успевал за помощницей.

– Двое, в сознании!

«И откуда в ней столько энергии? Двенадцатый вызов за смену, во время перерыва наверняка не ложилась, трепались как всегда с девчонками на кухне, и надо же: бежит по коридору, тащит тяжеленный железный ящик-укладку. Успела и в диспетчерскую за вызовом сгонять, и количество пострадавших выяснить, и в заправку, пополнить израсходованные ампулы-шприцы, и за доктором Андреем в комнату отдыха».

На открытой стоянке Фёдор Иванович прогревал движок «Рафика». Утренний мороз подействовал, как глоток крепкого кофе. Начало апреля, до тепла ещё далеко. На ходу натягивая форменную зеленую куртку с эмблемой, Андрей деловым шагом направился к машине. Это только в кино бригады к машине бегут.

Андрей Сергеев, выпускник лечфака с красным дипломом, мог по распределению получить должность младшего научного сотрудника в НИИ или остаться на кафедре в аспирантуре,

но предпочел скорую помощь. Хорошая школа, романтика, да и зарплата – не девяносто два, а аж целых сто пятьдесят! Через три года романтика бесследно растаяла. Мат девчонок из диспетчерской уже не вгонял в краску, чифир по ночам на кухне не вызывал приступов тахикардии. Скабрёзные анекдоты в комнате отдыха и коллективные пьянки по поводу и без вошли в привычку. В общем, доктор Андрюша Сергеев на скорой помощи стал своим.

«Хорошо, что за рулем Фёдор Иванович, а не гонщик Валерка, – думал Андрей, удобнее устраиваясь в кресле. – Есть шанс, что, пока едем, пострадавших какая-нибудь попутная бригада подберет».

Всегда спокойный, предпенсионного возраста, с большим круглым животом Фёдор Иванович в иных случаях раздражал своей манерой езды – с включенной мигалкой и орущей сиреной умудрялся ползти не больше сорока. Со стороны выглядело забавно: спешащая на вызов скорая, которую не обгоняют разве что пешеходы. Но сегодня Андрей скоростными качествами водителя был доволен. Тише едешь – дальше будешь. От места аварии. И не мучают неприятные ощущения под ложечкой, накачивающие при утренних стартах с Валеркой, больше похожих на взлеты. Валерий Хлебов, кандидат в мастера спорта и член сборной области по авторалли, каждый вызов расценивал как возможность потренироваться. И даже на обед в столовую гнал, как на пожар.

Город не спеша просыпался. Машин на улицах единицы, собственно их и в часы пик не густо. Не то что в загнивающих капиталистических столицах, где бесконечные «пробки» и дышать нечем. Если верить газетам, конечно. А вот пешеходов уже прилично, и на остановках народ скапливается. Всё-таки рабочий город.

Несмотря на старания Федора Ивановича, машина уверенно приближалась к проспекту Космонавтов. Андрей загрустил: «Успеем, похоже, работы часа на полтора с госпитализацией в тридцать шестую, к черту на кулички. Оксану после смены опять перехватить не удастся». Он с надеждой посмотрел на рацию. Словно ожидая именно этого момента, рация разразилась какофонией звуков, сквозь которые прорвался родной голос Лиды Ненашевой:

- Зенит вызывает седьмую бригаду! Седьмая бригада, семерка!
- Седьмая бригада, семерка, – словно эхо повторила в микрофон Анечка.
- Седьмая домой, на приеме.

«Вот и славно. – Андрей облегченно вздохнул и посмотрел на водителя. – Отбой, разворачиваемся, Фёдор Иванович, поехали смену сдавать. Теперь и побыстрее можно».

Но быстро вернуться на подстанцию не удалось. Вновь оживилась рация:

- Семёрка, примите вызов!
- Седьмая, – откликнулась Анечка.

– Танковая двенадцать, квартира двадцать три. Без сознания, судороги. Двадцать четыре года.

А вот это уже по их, неврологическому профилю. «Скорее всего, эпилепсия, – думал Андрей, глядя в окно на проплывающие мимо серые пятиэтажки. – Для инсульта рановато, двадцать четыре года не возраст инсультов. Танковая, это же семнадцатый военный городок, у них своя медсанчасть есть. Видимо, совсем плохо, раз скорую вызвали. Значит, нужна будет госпитализация. Похоже, завтрак с Оксаной в столовой высшей партийной школы отменяется».

Общежитие высшей партийной школы располагалось через дорогу от подстанции скорой помощи и славилось своей столовой. Сотрудникам скорой выдавали туда пропуска, правда ограниченно и не всем. Но доктору Сергееву, исполняющему обязанности заведующего неврологическим отделением, выдали даже два. Пропуска эти ценились почти наравне с самиздатовским Солженицыным. Во-первых, вкусно, во-вторых, порции большие, а блюда такие, что не в каждом дорогом ресторане получишь. Печёночный протертый суп и салат из крабов, как вам? А бутерброды с чёрной икрой? Это не рыбный день в районной столовке. И самое примечательное, сколько ни набираешь, больше восьмидесяти копеек не платишь!

Андрей почувствовал себя голодным и несчастным. Но работа есть работа.

Через КП их пропустили моментально, и вот уже бежит встречающий, руками машет. Квартира на третьем этаже, типовая планировка, даром что военный городок. Прихожей нет, узенький коридорчик, с носилками не развернёшься, две смежные комнатухи. В дальней железная кровать, со смятой, влажной простыней и растрёпанной подушкой. Одеяло на полу. На кровати молодой парень без сознания, дышит шумно и часто, стонет, периодически что-то непонятное бормочет, видимо в бреду.

За три года практики у Андрея, как у многих наблюдательных врачей, развилось чувство диагноза. Ещё до осмотра пациента по внешнему виду, поведению, мимике и речи, по запаху и даже по обстановке в помещении словно из кусочков мозаики в голове складывалась картина заболевания. Последующий осмотр и диагностические процедуры, как правило, подтверждали первоначальный диагноз.

Сейчас в комнате пахло тяжёлой инфекцией. «Никакая это не эпилепсия. Судороги, вероятно, были, но не удивительно: температура явно за сорок, можно градусник не ставить. – Андрей проверил пульс. – Нитевидный, сто сорок в минуту, плохо дело».

– Аня, систему готовь!

– Уже готово, доктор, что набираем?

– Умница, что бы я без тебя делал.

Анечка слегка покраснела и расплылась в счастливой улыбке. Всей подстанции известно, что фельдшерица Альфинур Тагайнова безответно влюблена в доктора Сергеева и всеми правдами-неправдами подстраивает свой график дежурств под смены доктора.

«Так, физраствор, глюкозу, давление низкое, значит гликозиды, преднизолон, что-нибудь противосудорожное и жаропонижающее, конечно».

Дав необходимые распоряжения, Сергеев приступил к детальному осмотру, задавая уточняющие вопросы нервно ёрзающему на табурете в углу комнаты сослуживцу больного. Он, сослуживец, скорую и вызвал. И потом на КП бегал встречать.

Итак, военнослужащий, лейтенант Фёдоров Сергей Алексеевич, пятьдесят пятого года рождения, вчера вечером в полном здравии присутствовал на танцах в офицерском клубе, где серьёзно повздорил с другим военнослужащим, из-за девушки лейтенанта, но до драки дело не дошло, поскольку за порядком следил комендантский патруль. Андрей на всякий случай ощупал голову больного на предмет травмы. Видимых повреждений, кровоподтеков и шишек не было, а вот менингеальные симптомы, свидетельствующие о раздражении мозговых оболочек, присутствовали. После танцев Фёдоров с товарищем, тем, кто бригаду вызвал, пошли к лейтенанту домой, недолго посидели и немного выпили для снятия напряжения. Теперь понятно, откуда на столе полупустая бутылка «Столичной» и остатки нехитрой закуски. «Может, отравление суррогатами? Нет, не похоже, да и товарищ пациента вполне здоров. И что для двух молодых офицеров полбутылки „Столичной“? Кстати, хорошая водка, в городе не достанешь, надо бы заглянуть к ним в продуктовый на обратном пути. – Сергеев посмотрел на часы: – Не получится, закрыто ещё будет, жалко».

Где-то в половине первого ночи Фёдоров пожаловался на усталость после дежурства и отправился спать, а товарищ пошел к себе, квартира в этом же доме. В начале шестого его разбудил телефонный звонок: звонил Фёдоров и просил вызвать скорую.

«Неплохо офицеры устроились, в каждой квартире телефон».

Андрей вспомнил, с каким трудом пробил себе телефон отец, директор научного института, член-корреспондент академии наук. Вдохнул и продолжил осмотр: «Кожные покровы бледные, влажные, ногти и губы синюшные, глаза ввалились, давление семьдесят на тридцать, рефлексы повышены, гипертонус, в лёгких рассеянные хрипы, справа, похоже, жидкость... Опа-на, а это ещё что за ерунда?»

Андрей мог поклясться, что всего несколько минут назад *этого* не было. Он сразу обратил внимание на множественные красные пятна на теле больного, но такое часто бывает при инфекциях и высокой температуре. Теперь же в центре этих красных пятен вздулись пузыри, напоминающие ожоговые, некоторые полопались, и на месте пузырей проступили тёмные, почти чёрные, быстро увеличивающиеся язвы. Весьма характерные язвы, несомненно он про них читал на курсе инфекционных болезней, вот только из головы вылетело. Но то, что эти язвы описывались в разделе особо опасных инфекций, Сергеев был уверен.

– Аня, маску, быстро! И сама надень! – скомандовал Андрей внезапно севшим голосом.

– Какой диагноз, доктор? – встревожилась Анечка.

– Не знаю пока, но ничего хорошего. Надо будет потом руки хорошо помыть и одежду после смены поменять.

Больной снова заговорил. Речь была тихой и невнятной, но отдельные фразы можно было разобрать: «Фильтр... Коля Чернов не поменял... это выброс... командиру доложите... особо опасная... молодые умрут... скорее... надо фильтр...»

Андрей вдруг почувствовал озноб, рука, держащая стетоскоп, слегка задрожала. Стремительная клиника непонятного заболевания, давно ходившие о семнадцатом городке слухи и бормотание пациента складывались в страшную картину.

«Стоп, без паники! Быстро лейтенанта на носилки и в инфекцию. Там пусть спецы разбираются. И всё-таки, при какой заразе эти черные язвы описаны? Вспоминай, отличник!»

Андрей повернулся к товарищу больного, хотел попросить помочь с носилками и только теперь заметил, что товарищ уже не сидит в дальнем углу, а стоит за спиной и внимательно слушает бессвязное бормотание. И вид у него крайне встревоженный. И пот по вискам бежит.

– Вы себя хорошо чувствуете? Нам надо с носилками помочь.

– Да, да, я сейчас... Мне срочно позвонить надо.

Товарищ опрометью кинулся к двери.

– Так звоните, вот же...

Андрей не закончил фразу, в комнате, кроме него и Анечки, уже никого не было.

– Анюта, давай быстро по соседям, найди мужиков, попроси с носилками помочь. Фёдор Иванович пусть машину поближе к подъезду подаст. В темпе, родная, нам тут задерживаться ни к чему.

Фельдшерица понятиво кивнула и побежала выполнять распоряжение доктора.

Лейтенант вдруг приподнялся на кровати и, требовательно глядя на Андрея, довольно внятно произнёс:

«Майор Белявский лично утром всё проверил!»

После чего откинулся на подушку и затих.

На КП их ждали. Кроме дежурного капитана, там распоряжался мужик в штатском с командирскими замашками и «комитетским» взглядом. Сергеев уже сталкивался с подобными типами. В прошлом году, перед выездом в Германскую Демократическую Республику по комсомольской путевке, он был приглашен в райком. Там, в отдельной комнатке, его ждал брат-близнец распоряжающегося сейчас на КП. Близнец этот часа полтора сверлил Андрея взглядом и нёс чепуху про вражеское окружение и происки империалистических разведслужб. В конце беседы он потребовал от Андрея представить после поездки письменный отчет с подробным изложением любых отклонений от норм социалистической морали среди членов группы. Андрей из-за него первый раз поссорился с Оксаной, потому что безнадежно опоздал на свидание.

Товарищ на КП недобро посмотрел на Андрея.

– Ваша фамилия, номер бригады, номер подстанции?

Андрей представился. В конце концов, на такие вопросы, согласно должностной инструкции, он обязан отвечать.

– Куда намерены госпитализировать больного?

– В двадцать четвёртую, в инфекцию.

Товарищ подошел почти вплотную и, не мигая, уставился Андрею в глаза. «Гипнотизировать он меня собрался, что ли?»

– Что больной вам сказал?

«Так я тебе и выложу, держи карман шире. – Андрей спокойно враждебный взгляд выдержал. – Видали мы гипнотизеров и почище».

– Ничего не сказал. Когда мы приехали, он уже был без сознания.

– Что-то про филътр... – начала Анечка, но Андрей чувствительно толкнул её локтем в бок.

– Невнятный и абсолютно неразборчивый бред. *Sicut deliramentum verba*, чистый бред.

Он постарался произнести это как можно уверенней, с чувством профессионального превосходства. Кажется, получилось. Комитетчик перестал сверлить Андрея глазами, повернулся к дежурному офицеру.

– Пропустите!

Отдав команду, он решительно направился к машине скорой помощи. На невысказанный вопрос Сергеева безапелляционно заявил:

– Я еду с вами.

В дороге больной уже ничего не говорил. Ему стало хуже, давление упало почти до нуля. Дежурного врача в приемном покое Андрей бредом пациента грузить не стал. Коротко и чётко доложил анамнез, историю развития болезни, состояние пациента, свои действия. Обратил внимание на язвы. При виде язв заспанный и откровенно зевающий дежурный врач мгновенно проснулся и засуетился. Но Андрей не стал дожидаться развития событий, забрал подписанный корешок талона госпитализации и решительно потянул Анечку к машине. Благо на них никто не обращал внимания.

– Давай, Аня, сматываемся.

2 апреля 1979 года, 07:30. В/ч 17052, кабинет командира части.

На улице светло, но плотные шторы задернуты согласно инструкции. Мерцание ламп дневного света вносят в тревожную атмосферу ощущение нереальности. За приставным столом вызванные по чрезвычайному расписанию старшие офицеры. Подполковник Иваницкий, заместитель по тылу, нервно крутит в руках болгарские «ВТ». Тучный майор Гилёв, начальник службы биологической защиты, вытирает пот уже совершенно мокрым платком. Исполняющий обязанности начальника биологической лаборатории майор Белявский барабанит по крышке стола длинными пальцами. Начальник особого отдела майор Сазонов внешне невозмутим, только вздувшиеся желваки на худых щеках выдают напряжение.

– Можете курить.

Полковник достал неизменный «Беломорканал», вытянул папиросу и, скомкав, выбросил пустую пачку в мусорную корзину. Офицеры переглянулись. Всему городку известно, что командир части утром открывает первую пачку, после обеда вторую. В чрезвычайных ситуациях, вроде прошлогодней внеплановой инспекции из управления, дневное количество пачек может увеличиться до трёх. Но чтобы полвосьмого уже закончилась первая, такого не мог припомнить даже замполит, побывавший вместе с командиром в зоне ограниченных военных действий за пределами Союза. Боевой орден, украшающий замполитовский китель, получен, как уверяют злые языки, за кляузу в политотдел на недостойное поведение отдельных представителей комсостава.

– У кого есть конкретные предложения, товарищи офицеры?

Огонёк спички в руках полковника предательски подрагивает, в голосе плохо скрытая растерянность. Воцарившуюся в кабинете тишину разрывает сигнал красного аппарата без диска.

– Полковник Савельев. – Командир прикрыл трубку рукой, обвёл собравшихся тяжелым взглядом. – Соединяют с генералом. Кто успел настучать?

– Я доложил по инстанции. – С места поднялся майор Сазонов. – Вы же знаете инструкцию, товарищ полковник.

– Савельев у аппарата, товарищ генерал... Так точно... выясняем... только старшие офицеры... есть, товарищ генерал!

Полковник сделал нетерпеливый жест. Офицеры быстро вышли в приёмную, майор Сазонов плотно прикрыл дверь. Через несколько минут на столе дежурного замигала красная лампочка.

– Слушаю, товарищ полковник! Так точно! – дежурный положил трубку. – Заходите, товарищи офицеры.

В настроении командира произошла разительная перемена. Растерянность во взгляде сменила привычная суровая уверенность.

– Гарнизон переводится на военное положение. Вы все знаете, что нужно делать. Главное: командование поставило задачу любой ценой избежать огласки. – Взгляд полковника упёрся в начальника особого отдела. – Это приказ, майор. Любой ценой!

– Так точно, товарищ полковник. Обеспечить неразглашение. Разрешите выполнять?

Глава 2. Кабинет номер шесть

02 апреля 1979 года, около восьми утра, станция скорой медицинской помощи.

Сдав смену, Андрей почти бегом направился к себе, в шестой кабинет на втором этаже. «Как быстро привыкаешь, – думал он, доставая ключ с круглой зелёной биркой и номером шесть, нарисованным от руки белой краской. – Ещё совсем недавно с трепетом стучался в кабинет шефа, а теперь – к себе!» Висевшая на стене табличка информировала: «Заведующий кардиологическим отделением к. м. н. В.И. Белорецкий». Нижняя половина рамки, подразумевавшая наличие второго хозяина кабинета, пустовала. Сергеев пока только исполнял обязанности заведующего неврологическим отделением. Приказ о назначении проходил согласование в партбюро. Впрочем, со слов всё знающей председательши профкома Ирины Пархомовой согласование уже получено и скоро заветный приказ будет подписан.

Не то чтобы Сергеев очень стремился к этой должности, однако не каждый в двадцать семь лет становится шефом первых в стране «инсультных» бригад, созданных самим профессором Шефером! Даже в «Вечёрке» напечатали небольшую заметку с фотографией о молодом, перспективном докторе. Правда, фотография Андрею не понравилась, он вообще на фото себе редко нравился. Худой, слегка сутулящийся, в очках, под носом намёк на усы. Совсем не тот волевой и мужественный тип, что заставляет оборачиваться встречающих девчонок. Не Гойко Митич, короче.

Предыдущим заведующим был колоритный и вальяжный армянин Сурен Владимирович Мовсесян. Заполняя заявление о приёме на работу, Сергеев сделал в его фамилии две орфографических ошибки, за что был словесно высечен, но в штат зачислен. Месяц назад, во время очередного отпуска, Мовсесян прислал телеграмму с просьбой об увольнении. Секретарша Лидочка уверяла, что просьба эта для главного врача не явилась неожиданностью. Поговаривали, что Суреном заинтересовались органы. Во время практики Сергеев отработал несколько смен вторым врачом в бригаде Мовсесяна и не раз наблюдал живой интерес шефа к антикварным вещам, иконам и картинам. Если на квартирах был телефон, Мовсесян, осмотрев больного и сделав назначения, кому-то звонил. Прикрывая трубку рукой с массивным золотым перстнем, вполголоса обсуждал впечатляющие суммы в рублях. Один раз даже в запрещённых долларах. Но какими бы ни были внеслужебные интересы шефа, в неотложной неврологии он был асом, за что Сергеев его искренне уважал.

После увольнения Мовсесяна за ключ с зелёной биркой развернулась нешуточная борьба. Претендентов было двое: тридцатипятилетний Коля Широков и официальный дублер Мовсесяна, врач с солидным стажем Галина Ивановна Фаткова. Сергеева, по молодости лет, никто в расчет не брал. Поэтому приглашение к главному врачу и предложение серьезно подумать о руководстве бригадами было полной неожиданностью для всех. Включая самого Сергеева. Широков, человек без комплексов, тут же вызвал Андрея на беседу и настоятельно рекомендовал от предложения отказаться. Покровительственно взяв под локоть, говорил, что молодого и неопытного Андрея старые скоровские волки слопают, косточек не останется. А под опекой Широкова ему, Сергееву, будет хорошо и выгодно, никому в обиду не даст. Сергеев ничего не имел против Широкова лично, но в качестве шефа тот его откровенно не устраивал. Диагностом Коля был слабым, в клинике разбирался плохо, авторитетом у коллег не пользовался. Выслушав Широкова, Андрей от ответа уклонился, сказал, что подумает.

Фаткова, коварная женщина, действовала иначе. Всегда приветливо улыбающаяся и называющая Сергеева Андрюшенькой, написала грязную анонимку в партбюро. Анонимка касалась давно ушедших в прошлое отношений Сергеева с фельдшерницей Валей Зайковой.

Правда искусно перемешивалась с ложью, и моральный облик Сергеева, если верить написанному, требовал немедленного обсуждения на открытом партсобрании. Партсобрание не состоялось, поскольку вся скорая знала, что ребенок у Зайковой от доктора Тюленина, а Сергеев совершенно ни при чём. Но на партбюро Андрея вызвали. Для профилактики.

Открыв дверь и убедившись, что Виталий Исаакович ещё не пришёл, Андрей достал с книжной полки справочник практического врача и пролистал до буквы «С». Внимательно прочитав три страницы убористого текста и рассмотрев цветные картинки, Сергеев покачал головой, пробормотал «так я и думал», порылся в кабинетной аптечке и позвонил в диспетчерскую.

– Попросите зайти в шестой кабинет фельдшера Тагайнову, – сказал он в трубку, посмотрев на часы.

«Половина девятого, могла уже уйти. Хотя бы задержалась, а то придется к ней в общагу ехать».

Дверь кабинета распахнулась, на пороге стояла слегка встревоженная Анечка.

– Держи. – Он протянул ей упаковку таблеток. – На три дня хватит, принимай по схеме. Схему знаешь?

Анечка посмотрела на упаковку.

– Эритромицин. Доктор, зачем? Это с последним вызовом связано, да?

– Не задавай лишних вопросов. И о том, что на вызове слышала, помалкивай. Поняла?

– Но почему... – начала было Анечка, но, увидев сердитое выражение Андрея, согласно тряхнула головой.

– Да, Андрей Леонидович, поняла.

В карте вызова Сергеев не стал мудрить с диагнозом и выдвигать чреватые неприятностями предположения. Коротко описал клинику и язвы на коже больного, поставил «токсико-инфекционный синдром неясной этиологии, шок III степени». В конце концов, он не инфекционист по специальности. Его дело оказать первую помощь и быстрее доставить пациента в стационар.

В одно из первых дежурств Сергеев подобрал на улице бродягу неопределенного возраста, в грязной, завшивленной одежде, истощённого, без сознания, с высокой температурой и характерными высыпаниями на коже. По молодости и неопытности поставил диагноз «сыпной тиф». На подстанции был незамедлительно вызван к старшему врачу дежурной смены и получил разнос, из которого твердо усвоил, что не может быть в стране развитого социализма сыпного тифа, вшей и бродяг. Диагноз был изменен на тот же «токсико-инфекционный синдром».

«С кем бы посоветоваться по сегодняшнему случаю? – размышлял Сергеев, перебирая собранные для проверки карточки вызовов. – Скоро придет Виталий Исаакович, хороший мужик, опытный, не болтун. Но кардиолог, тоже не инфекционист».

Виталий Исаакович Белорецкий, кандидат наук, был ветераном скорой помощи и уже много лет руководил кардиологическими бригадами, совмещая заведование с дежурствами. Белорецкий выписывал научные журналы, внимательно следил за специальной литературой и постоянно внедрял новые методы обследования и лечения. Невысокий, с неказистой, кряжистой фигурой и породистым длинным носом, Виталий Исаакович непонятным образом умудрялся очаровывать молодых врачей-интернов женского пола, проходящих на скорой практику. В редкую смену в бригаде Белорецкого не было очередной интернши, преданно смотревшей наставнику в глаза и старательно фиксирующей в школьной тетрадке премудрости постановки диагноза. Как правило, это были худые, нескладные, на голову выше наставника очкастые создания в коротких халатиках, совсем не во вкусе Андрея. Но как известно, на вкус и цвет... После смены создания подолгу торчали в кабинете, пили чай с печеньем и пунцово краснели, когда наставник начинал поглаживать их по худым коленкам. Имел ли процесс наставниче-

ства продолжение за пределами скорой, Сергеев не знал и узнать не стремился. Белорецкого он искренне уважал и прощал мелкие слабости. В первый же день, когда Андрей приступил к новым обязанностям, Белорецкий достал из ящика рабочего стола бутылку «Армянского», два фужера, запер дверь изнутри и приложил палец к губам. В ответ на недоумённый взгляд Андрея показал пальцем на селектор громкой связи. Добавив звук проводного радио, Белорецкий объяснил, что селектор, помимо трансляции объявлений, выполняет вторую функцию: прослушивания главным врачом разговоров в кабинетах. Бутылку они прикончили на равных, без громких тостов и звона фужеров. Принятые двести пятьдесят на Белорецкого почти не подействовали, только нос немного покраснел и стал ещё длиннее.

Нет, пожалуй, Виталия Исааковича сегодняшней проблемой он грузить не будет. Андрей достал из пачки две таблетки эритромицина, запил водой. Хотя какая-то защита. Немного поколебавшись, снова позвонил в диспетчерскую:

– Кто сегодня старшим? Григорий Палыч? Спасибо.

Соколов Григорий Павлович был именно тем человеком, кому можно всё рассказать и у кого можно попросить совета. Именно Соколов не дал в свое время ходу истории с «сыпным тифом», избавив тем самым Андрея от серьёзных проблем. Отлично, сейчас проверит карты вызовов за прошлые смены и спустится в диспетчерскую.

Он вспомнил о завтраке с Оксаной, можно ещё поискать её на подстанции, вдруг не ушла. Но не было ни времени, ни аппетита, и голова занята совершенно другим.

Проверка карт была не самой любимой частью новых обязанностей Сергеева. Поэтому, когда дверь с грохотом распахнулась и в кабинет ввалился огромный, растрепанный Коля Неодинокый, Андрей с удовольствием отодвинул бумажную стопку. С Колей они учились в институте на одном курсе, вкалывали в стройотрядах и поддерживали дружеские отношения.

Неодинокый был явно встревожен, пожалуй, даже испуган.

– Старик, – заговорил он без лишних предисловий. – Ты утром выезжал в семнадцатый, к офицеру с температурой и язвами?

– Ты откуда знаешь?

– Вишенкова сказала.

Нина Петровна Вишенкова, внимательный и опытный старший врач, дежурила в смену Андрея и, конечно, просмотрела уже карту больного из семнадцатого военного городка.

– Да, выезжал, и что?

– Я сейчас мужика на остановке, около городка, тоже с язвами подобрал, без сознания, в сороковую увёз. В голове крутится что-то знакомое. Ты инфекционный синдром поставил, я понимаю, но сам-то что про это думаешь?

У Андрея неприятно заныло под ложечкой. «Значит, все верно, самое плохое подтверждается, вот не было печали...»

Он внимательно посмотрел на Неодинокого. Парень надежный, не трепло... Андрей протянул руку к полке с книгами, достал справочник. Открыл на нужной странице. Николай быстро пробежал глазами текст, посмотрел цветные иллюстрации с изображениями язв.

«Точно, такие! Но не чума же, почему так быстро развивается? Мы пока работали, жена больного прибежала. Говорит, вчера нормально всё было. Утром начал кашлять, температура поднялась. Она предложила врача на дом вызвать, но муж отказался. Типа, срочная работа, нельзя дома сидеть, и ушёл. Она что-то почувствовала, за ним побежала. – Неодинокый ткнул пальцем в текст. – Смотри, тут написано, если язвы, то кожная форма. Развивается медленно. А у моего кашель, как при легочной форме, и язвы прямо на глазах растут!»

Андрей оглянулся на висевший над дверью селектор и решительно потянул Николая за рукав халата к выходу. Подойдя в конце коридора к окну и убедившись, что их никто не слышит, рассказал про страшный бред пациента.

– Погоди, погоди. – Голос Неодинокого внезапно сел, видно было, как до него доходит, работа на скорой учит быстрому мышлению. – Это что же получается? Ма-а-ть вашу...

Он закрыл рот рукой, на лбу выступил пот. Некоторое время помолчал, бессмысленно глядя в окно, потом решительно заявил:

– Ты как хочешь, старик, а я в эти игры не играю. Сейчас закачу обморок, снимусь со смены и к бабке в Николаевку. У меня ещё две недели отпуска есть, да и крышу давно ей перебрать обещал.

Здоровяк Неодинокый мастерски умел закатывать обмороки, со всей положенной клиникой. Мог даже снижать у себя артериальное давление до критических цифр. На неподготовленных людей производило впечатление, когда гигант, ростом за сто девяносто и весом за сто двадцать, вдруг смертельно бледнел, покрывался холодным потом и хлопался на пол. Умение это не раз выручало Колю на экзаменах. Не распознали симуляцию даже опытные врачи из медицинской комиссии райвоенкомата. Только доцента Салеева с кафедры нервных болезней Коле провести не удалось. Салеев, спокойно просмотрев весь спектакль, указал на ряд несоответствий в симптоматике и посоветовал Коле лучше подготовиться и прийти на пересдачу.

Бабушку Неодинокого, Екатерину Ивановну, Андрей хорошо знал, не раз у нее вместе с Колей гостил и даже лечился от неприличной заразы, подцепленной на свиданиях с симпатичной дояркой в стройотрядовских самоволках. Бабушка имела старенький домик в тридцати километрах от города, в деревне Николаевке, и пользовалась в округе известностью народной целительницы.

– Давай, – он ободряюще хлопнул Колю по плечу. – Только ты на травы не очень рассчитывай. Эритромицин пей.

– А может, вместе смотаемся? – с надеждой спросил Неодинокый.

– Ага, так меня и отпустили. – Андрей кивнул в направлении кабинета главного врача. – Отделение на кого?

– Ну смотри, дорогу знаешь.

«Какой тут, к черту, эритромицин, – думал Сергеев, возвращаясь в кабинет. – Если за бредом лейтенанта реальные факты, никакие антибиотики не помогут».

Пришёл Белорецкий с очередной интерншей, заварил чай и развернул кардиограмму. Очкастая практикантка прилипла к плечу Белорецкого, заглядывая через седеющую шевелюру и кивая в такт комментариям учителя.

На столе оживился телефон внутренней связи. Красная лампочка мигала на линии приемной главного врача. Сергеев нахмурился и посмотрел на часы. Восемь тридцать. Ничего хорошего от вызова к начальству с утра пораньше он не ждал. Вздохнув, протянул руку к клавише громкой связи, но, покосившись на интерншу, снял трубку:

– Сергеев слушает.

– Доктор Сергеев, зайдите к Валентине Ивановне.

Официальный тон Лидочки не добавил оптимизма. «Началось, похоже».

Руками пригладив непослушные волосы, он мысленно сосчитал до десяти и вышел из кабинета, стараясь придать лицу непроницаемое выражение «а-ля Штирлиц».

2 апреля 1979 года, 08:40. Кабинет первого секретаря обкома КПСС.

Он всегда приезжал на работу рано, в семь, иногда в половине седьмого. Привычка эта сформировалась ещё со времен руководства строительным управлением, и в последующем он ей не изменял. До прихода помощников и сотрудников аппарата успевал разобрать оставленные с вечера бумаги, просмотреть ночную сводку происшествий, внести необходимые поправки в плотный дневной график. Сегодняшнее утро ничем не отличалось от череды таких же. В начале девятого он уже закончил дела и стоял у высокого окна, глядя на проснувшиеся улицы и строящееся здание нового обкома партии, первого в городе «небоскрёба» в два

дцать четыре этажа. Это была его стройка, он лично получал в Москве необходимые согласования, утверждал проект, часто приезжал на строительную площадку. Коробку уже поставили, сейчас занимались отделкой. До ввода в эксплуатацию ещё полтора года, а народ уже прозвал высотный объект «членом партии». Он невесело усмехнулся. Нет в людях былого уважения к партии. Да и откуда ему взяться? Руководитель области, две трети промышленности которой работают на оборону, он, как никто другой, представлял масштабы затрат на поддержание стратегического военного равновесия и, как никто другой, понимал, что в этой безумной гонке мы безнадежно проигрываем. Советская экономика, как загнанная лошадь, из последних сил пыталась тащить неподъёмный воз «оборонки», а в магазинах нарастал дефицит продуктов и товаров. Дефицит и коррупция в торговле, вот главные признаки «общества развитого социализма». Мало объявить себя «руководящей и направляющей силой». Нужны конкретные действия, эффективные, чрезвычайные меры, чтобы выправить ситуацию и не превратиться из великой державы в отсталую страну третьего мира. Но кто способен эти меры продумать и провести в жизнь? Престарелый, тяжело больной Генеральный, интересующийся только личными наградами и коллекционными автомобилями?

От грустных мыслей его оторвал селектор громкой связи:

– Борис Николаевич, Орлов срочно, по второй линии!

Первый секретарь поморщился и посмотрел на часы. Восемь сорок. Начальник областного управления КГБ не баловал его хорошими новостями, особенно столь рано.

– Слушаю, Олег Сергеевич.

– Борис Николаевич, у нас ЧП!

По мере доклада он всё больше хмурился и крепче сжимал трубку аппарата вспотевшей ладонью. Когда Орлов начал повторяться, решительно перебил:

– Более точная информация о причинах происшедшего у вас есть?

– Нет, Борис Николаевич. То, что я вам сообщил, получено по моим личным каналам. Вы же знаете, «Биоресурс» напрямую подчиняется Главку, мне о своих делах не докладывает.

– Постарайтесь узнать.

Он устало опустил в кресло. Не докладывают ему! Дожили. Вместо того, чтобы общим делом заниматься, следят друг за другом, агентуру секретную заводят, как на вражеской территории.

Первый секретарь обкома знал в общих чертах, чем занимаются секретные лаборатории семнадцатого городка. В последний приезд академика Бурасенко они славно посидели в охотничьем домике, заедая «Посольскую» деликатесами из лосятины. Подвыпивший академик поведал другу Борису о своем детище, новейшем биологическом оружии, которое страшнее водородной бомбы. И главное, значительно дешевле. Армия потенциального противника, состоящая преимущественно из молодых мужчин, как всё мужское население призывного возраста, уничтожается за две-три недели. Бесшумная, невидимая, неотвратимая смерть. Без всяких там губительных для природы и жизни на планете последствий. И что же, теперь эта смерть свободно гуляет по улицам его города?

Он посмотрел на часы, представил кабинет на Старой площади – бывшего коллеги, первого секретаря Ставропольского крайкома, недавно переведённого в столицу. Тот тоже ранняя пташка, должен уже быть на месте.

Нажал клавишу селектора:

– Старую площадь, по закрытой связи, срочно!

Глава 3. Следствие ведут

02 апреля 1979 года, утро, около 9.00, станция скорой помощи.

Незамужняя Лидочка не расплылась, как обычно, в очаровательной улыбке при виде холостого и перспективного доктора Сергеева. Сдув со лба рыжую чёлку и сделав страшные глаза, она покосилась на обитую дерматином дверь с табличкой «Главный врач»:

– Проходите, Андрей Леонидович, вас ждут.

– Одна?

– Нет, ещё посторонний товарищ.

Недавно назначенная главным врачом Тёплая Валерия Ивановна, занимавшая до этого должность освобождённого секретаря парткома больницы, была хорошим человеком, но плохим хозяйственником и бездарным руководителем. Специфику скорой не знала совершенно, приходила на работу ни свет ни заря, сидела безвылазно, иногда до полуночи, а ситуация с каждым днём только ухудшалась. Начались перебои с лекарствами, автобаза стонала без запчастей, машины не выходили на линию, вызова выполнялись с задержкой, строительство двух новых подстанций остановилось, медтехника систематически срывала сроки ремонта аппаратуры.

Ушедшая на пенсию предыдущая начальница, Руза Галиевна Беклешева, тоже была не семи пядей во лбу. Андрей вспомнил своё первое и единственное собеседование с Беклешевой при приёме на работу. Он тогда с трепетом вошел в серьёзный кабинет, приготовившись к непростому разговору. Главного врача скорой Сергеев до этого не видел, поэтому оторопело смотрел на выкатившуюся ему навстречу из-за стола низенькую, полную тётку с восточным лицом, больше похожую на торговку с колхозного рынка. «Здравствуйте, доктор, вы не курите? Ага, это хорошо! Ну, идите, работайте». Вот и весь разговор.

Но вопросы Беклешева решать умела. Приехав в город из глухой деревни, она устроилась на скорую санитаркой, через пару лет поступила на рабфак, потом в медицинский институт, окончив который, вернулась на скорую и дослужилась до должности главного врача. С крестьянской основательностью и смекалкой Беклешева заботилась о вверенном ей учреждении. Благодаря её стараниям станция скорой помощи пользовалась авторитетом среди больниц и городского начальства. Теперь этот авторитет стремительно падал.

Критически осмотрев себя в зеркале, Сергеев поправил халат, пригладил волосы и запахнул дверь. Он давно уже входил сюда без трепета, но присутствие постороннего и Лидочкины гримасы напрягали. В кабинете, кроме Тёплой, за столом для совещаний сидел товарищ с цепким взглядом из семнадцатого городка, только на этот раз он был не в штатском, а в парадной форме с серебряными погонами майора и васильковыми петлицами.

– Садитесь, Андрей Леонидович.

Тёплая указала на стул напротив майора. Майор молча раскрыл перед глазами Андрея удостоверение. Комитет государственной безопасности, в/ч 17052, начальник особого отдела Сазонов... Дочитать Андрей не успел, красная книжица захлопнулась.

– Мы с вами уже встречались.

Это был не вопрос, а утверждение. Сергеев пожал плечами и воздержался от комментариев. Майор требовательно посмотрел на Тёплую. Валерия Ивановна засуетилась, подхватила большую красную папку и направилась к выходу.

– Я в диспетчерскую. Лидочка знает, где меня найти, если что.

В кабинете воцарилась тяжелая тишина. Некоторое время майор молча «гипнотизировал» Андрея, совсем как тогда на КП. Наконец сухо произнёс:

– Я изъял вашу карту вызова. Сейчас вы её перепишете.

Он протянул Сергееву пустой бланк.

– А если...

– Никаких если! Сейчас вы перепишите карту, подпишете вот эту бумагу, – он протянул Андрею отпечатанный типографским способом лист с заголовком «Обязательство о неразглашении», – выйдите из кабинета и забудьте всё, что видели.

Некоторое время Андрей молча разглядывал майора. Незапоминающееся лицо без особых примет, серые волосы, серые глаза. «Прямо какой-то майор Пронин из анекдотов про чекистов. Послать его или...» В итоге размышлений победило «или». «Ну их к черту, связываться – себе дороже».

Он придвинул к себе бланк вызова.

– Что писать-то?

– Диагноз – грипп, никаких язв, остальное сами придумайте.

– Но почему? – не удержался от вопроса Андрей.

С майором вдруг произошла разительная перемена. Он наклонился к Сергееву, взял его за руку, заглянул в глаза. И взгляд майора был уже не колюче-враждебным, а добрым и понимающим.

– Ты же советский человек, доктор Сергеев, руководитель отделения. Ты же знаешь, что есть такое понятие: государственная тайна. Ты про семнадцатый военный городок слышал?

Сергеев кивнул, изумляясь происшедшей в майоре перемене. «Вот это школа! Какой артист пропадает, прямо полковник Марков из «Судьбы резидента».

– Так вот, я тебе, как комсомольцу и члену бюро подстанции, заявляю: никакого отношения к заболеванию лейтенанта Фёдорова семнадцатый городок не имеет.

– Но зачем же тогда вот это? – показал Сергеев на лежащие перед ним бумаги.

– Вы политинформации в отделении проводите? – вопросом на вопрос ответил майор.

– Конечно, проводим.

Еженедельные политинформации в коллективе – ещё одна обязанность, доставшаяся Сергееву вместе с новой должностью. По понедельникам проводилась политинформация в отделении, а по пятницам для всей центральной подстанции.

– Ну, тогда не буду тебе объяснять про империалистическое окружение. Только знай, враги первого социалистического государства ищут любой повод, чтобы вылить очередную порцию грязи на Советский Союз. Особенно в год, предшествующий олимпийским играм в Москве!

– А что с лейтенантом, он жив?

– А вот это уже не ваше дело, Андрей Леонидович, – сухо и с расстановкой произнес майор.

«Как же, не моё, – думал Сергеев, возвращаясь к себе. – Я в этой истории по уши. Вполне вероятно, заразу уже подцепил, и жить мне недолго осталось. Так что, извини, майор, а своё расследование я проведу».

Устроившись за рабочим столом, Андрей с сожалением посмотрел на ящик с перфокартами – исходными материалами кандидатской, тяжело вздохнул, опять научный руководитель будет выговаривать за задержку, – и взял чистый лист бумаги. Печатными буквами в правом верхнем углу вывел «Дело №17», поставил сегодняшнюю дату и ниже «План оперативно-следственных мероприятий». Андрей обожал детективы, с детства зачитывался Конан Дойлем, Жоржем Сименом и Агатой Кристи, не пропускал ни одной серии популярных «Знатоков», ведущих многосерийное следствие.

«Итак, что мы имеем? Пока немного. Лейтенант с нетипично-стремительной клиникой „сибирской язвы“ в бреду говорит о незаменённом фильтре, выбросе, опасности. Обвиняет какого-то Николая Чернова. Кагэбэшник старается историю замять. Очень старается... Есть как минимум ещё один пострадавший. Скорее всего, случайная жертва последствий выброса. Таким образом, мы имеем три ключевых фигуры: лейтенант Фёдоров, Николай Чернов, майор

госбезопасности Сазонов. И традиционные вопросы: кому выгодно, кто виноват». Через десять минут план был готов. Андрей с удовольствием перечитал все пункты. «Всё-таки научная работа учит системному мышлению, против будущего кандидата наук вы, товарищ майор, с вашими комитетскими мозгами слабоваты. Начинаем с пункта один».

Он поднял трубку городского телефона и набрал знакомый номер приемного покоя двадцать четвертой больницы. Ответил заведующий, которого Андрей немного знал.

– Здравствуйте, это Сергеев, центральная подстанция. Подскажите, пожалуйста, диагноз: Фёдоров Сергей Алексеевич, пятьдесят пятого года рождения, лейтенант из семнадцатого.

После недавней встречи с майором ответ собеседника не удивил.

– Точно не поступал? Вы уверены? Проверьте, пожалуйста!

В трубке раздались короткие гудки.

«Быстро работают, – с невольным уважением подумал Сергеев, – а я, как дурак, подставлялся. Сейчас заведующий майору настучит. Или не настучит? Ладно, не будем отступать от плана. Значит, вариант «Б».

После звонка в приёмный покой Андрей хотел пошептаться с дежурным старшим врачом Соколовым, но телефонный разговор внёс в план коррективы. Более срочным и важным стало выяснение состояния и местонахождения лейтенанта. Вариант «Б» предполагал личный визит Сергеева в районную больницу.

2 апреля 1979 года, г. Москва, 07:05, кабинет председателя КГБ СССР.

Председатель требовательно смотрел на присутствующих. За столом для совещаний сидели трое. Справа генерал-лейтенант Огарёв, начальник пятнадцатого управления, подтянутый, гладко выбритый, в идеально отглаженной парадной форме, как будто заранее знающий о срочном вызове на площадь Дзержинского в шесть утра. Напротив него академик Бурасенко, научный руководитель «Биоресурса», с трёхдневной щетиной на подбородке, зачёсанными назад длинными, с проседью, волосами, в американских джинсах и толстовке, доставленный с подмосковной дачи. В конце стола скромно примостился Цвигун, первый заместитель, невысокий толстяк с круглым добродушным лицом, в сером костюме от «Большевички». Плохо знающие Семёна Кузьмича обычно «покупались» на простоватую внешность начальника управлений контрразведки и идеологических диверсий, о чём впоследствии горько сожалели.

– Как такое могло случиться? – с нажимом повторил Председатель.

– Пока рано делать выводы, Юрий Владимирович. – Голос генерала Огарёва не выдавал волнения. – Разбираемся. Возможна утечка, возможна диверсия. Официальная версия – заражённое мясо.

– Утечка! – Видно было, что обычно невозмутимый Председатель с трудом сдерживается. – Вы забыли, что мы присоединились к декларации о нераспространении? Вы забыли, что через год у нас Олимпийские игры?

– Юрий Владимирович! – вмешался академик. – Кого остановила декларация? Вы же знаете, что американцы испытания продолжают, штаммы возбудителя, которые мы используем, получены из лаборатории ЮАР, финансируемой Пентагоном. Вы сами показывали мне доклад внешней разведки о штатовских экспериментах с токсином ботулизма и вирусом Эбола! А странная эпидемия лихорадки Денге среди дружественно к нам настроенных партизан в Зимбабве и аналогичная вспышка на Кубе? Кому Куба поперёк горла? Я уже не говорю о бесчеловечных опытах американской военщины во Вьетнаме с распылением над джунглями Agent Orange и о «Проекте 112» на Маршалловых островах...

Председатель поднял ладонь, словно отгораживаясь от словесной риторики.

– Мы не можем уподобляться американской военщине, товарищи. На нас смотрит социалистический лагерь и неопределившиеся страны третьего мира. Мы не вправе подрывать авторитет советского государства!

Некоторое время в кабинете висела напряжённая тишина. Председатель снял очки, неторопливо протер их матерчатой салфеткой, снова надел.

– Павел Николаевич, – обратился он к Бурасенко, – какими могут быть последствия?

– Если это утечка... Мы не проверяли патогенность препарата на людях. На крысах он действует соответственно расчётам, но у крыс отличная от человека генетическая конструкция. Для эффективного воздействия необходимо полное комплементарное соответствие...

– Павел Николаевич, мы не в научной аудитории. Понятно, что ваш препарат на людях может действовать иначе, чем на крысах. В какую сторону иначе?

Академик отвел глаза.

– Трудно сказать, Юрий Владимирович. Недостаточно информации для определённых заключений. Кроме того, неизвестно, какое количество препарата попало в атмосферу, направление и скорость ветра...

– Как раз направление и скорость ветра единственное, что мы точно знаем.

Председатель посмотрел на Цвигуна. Тот отрицательно покачал головой. Бросив взгляд на часы, председатель объявил:

– Совещание закончено, товарищи. Через полтора часа спецрейс министерства обороны. Вы все летите. Возьмите, кого считаете нужным. Докладывайте мне незамедлительно. Официальная версия – заражённое мясо. Семён Кузьмич, задержись.

– Придвигайся, Кузьмич, можешь курить, – сказал председатель, когда они остались в кабинете вдвоём. – Что думаешь?

Цвигун неторопливо достал сигарету, помял её толстыми пальцами, прикурил и сделал глубокий вдох. Тут же надсадно закашлялся. Председатель болезненно поморщился.

– Ты бы завязывал с курением. Ведь уже оперировал легкие.

– Хорошо тебе, Юра, говорить. Ты всерьёз не курил никогда, а у меня стаж почти пятьдесят.

Они помолчали. Цвигун ещё пару раз затянулся и решительно раздавил сигарету в пепельнице.

– Вообще-то ты, как всегда, прав, надо бросать. А думаю я, что дела у нас хреновые, если уже у Огарёва случилась утечка.

– Полагаешь, всё-таки утечка?

– Ну не мясо же! Хотя и вариант диверсии я бы со счетов не сбрасывал.

– Есть информация? – председатель оживился.

– Есть кое-какие данные, пока не проверенные. Уж очень в последнее время американская резидентура оживилась. Ты же знаешь первое правило: ищи кому выгодно. Кому выгодно у нас олимпиаду сорвать?

Председатель поднялся, подошел к окну, постоял, считая облюбовавших памятник основателю ЧК голубей. Нехитрое упражнение, как всегда, помогло успокоиться. Повернулся к Цвигуну.

– И так и так плохо. Если утечка, значит всеобщий бардак и безответственность докатились до «Биоресурса». И мы с тобой, Кузьмич, плохо работаем. Если диверсию прошляпили, тем более плохо работаем. В общем, не мне тебя учить, сам знаешь, что делать, только времени у нас мало. Ситуацию надо взять под контроль в ближайшие сутки.

– Понятно. Докладывать будешь?

Цвигун кивнул на аппарат прямой связи с Генеральным.

– А смысл?

Они понимающе посмотрели друг на друга. Цвигун поднялся, подошёл вплотную, понизил голос почти до шёпота:

– Юра, мы с тобой хорошо работаем. Но ты же видишь, что творится. То, что произошло, не случайно, дальше будет только хуже. Генеральный недееспособен, страной командуют без-

мозглая дочь и зарвавшийся зять! На державу всем наплевать, думают только о личной выгоде. Надо срочно принимать меры.

Председатель тяжело вздохнул, вернулся за стол, устало откинулся в кресле, снял очки в толстой роговой оправе, близоруко прищурился. Мало кто видел руководителя КГБ Юрия Владимировича Андропова таким беспомощным и растерянным.

– Да всё я понимаю, Кузьмич. Я переговорил с членами политбюро. С кем ещё можно говорить. Нас не поддержат. По крайней мере, сейчас. Вот после Олимпийских игр...

– Если только поздно не будет, – проворчал Цвигун. – Ладно, пошёл я собираться.

Когда дверь за ним закрылась, Андропов достал из ящика стола потрепанный томик Гегеля, открыл наугад:

«Зло, подобно добру, имеет, таким образом, своим источником волю... А если нет воли, значит нет ни добра, ни зла? Нет, Вильгельм Фридрих, здесь вы ошибаетесь. Отсутствие воли и есть самое худшее зло».

Глава 4. А город подумал

02 апреля 1979 года, утро, десятый час, центральная районная больница.

Нужный трамвай подошёл на удивление быстро. Расценив это как хороший признак, Андрей поднялся в салон, передал три копейки кондуктору и сел на свободное место. За окном проплывали серые однотипные пятиэтажки. Вдоль частного сектора асфальтированные тротуары заканчивались по-весеннему раскисшими тропами. На обочинах и газонах мусор – до субботников ещё месяц. Особо неприглядные места прикрывали свежеекрашенные зелёные заборы: город готовился к приёму какой-то шишки из ЦК.

По улицам спокойно шли прохожие, начинался обычный рабочий день. На лицах людей не было тревоги или, тем более, паники. Граждане не стояли, задрав головы к уличным репродукторам, никто не расклеивал предупреждающих плакатов. Не было бригад в противочумных костюмах, распыляющих дезинфицирующие средства. Андрею это казалось противоестественным. Он знал о надвигающейся катастрофе и ничего не мог сделать. Закричать на весь трамвай? Пассажиры вызовут милицию или психушку. Независимо от масштабов эпидемии истинная картина происходящего будет скрыта за семью печатями. Не принято у нас сообщать людям правду, если она расходится с линией партии.

«А город подумал – ученья идут», Ё пришли в голову слова популярной песни на стихи Рождественского. Жители восточного Берлина тоже не скоро узнали про аварию советского бомбардировщика, только благодаря героям-лётчикам не рухнувшего на жилые кварталы.

Андрей вспомнил другую трагедию, когда рядом с городским аэропортом в четыре утра на взлёте упал пассажирский ТУ-134. Сначала загорелся, а потом рванули баки, полные топлива. Взрывной волной вынесло стекла в многоэтажках. Андрей, к тому времени отработавший на скорой почти год, как раз дежурил. Было предутреннее затишье, и почти все бригады отдыхали. Когда сначала громко хлопнуло, а через несколько секунд двухэтажное здание подстанции ощутимо трянуло, Серёга Тюленин, врач-реаниматолог, сел на кушетке и громко объявил: – Подъём, бродяги! Наш черёд пришёл!

К месту взрыва согнали почти весь оперативный состав скорой, пожарной службы и милиции, и всё равно машин и людей не хватало. В самолёте, конечно, живых не осталось, но приземлился лайнер прямо на посёлок авиаторов. Да ещё поджёг расположенный поблизости склад горюче-смазочных материалов. В небо поднялся столб чёрного дыма. Точное число пострадавших так и осталось неизвестным. Травмы в основном были связаны с разрушением жилых домов. Люди-то до аварии спокойно спали. Несколько человек обгорели на складе горючего.

Возвращаясь утром на подстанцию, Андрей с удивлением смотрел на просыпающийся город. Как и сегодня, граждане шли на работу и ничего не знали. Обсуждали, конечно, ночное гроыхание, но основной причиной называли учения на военном полигоне. Официальных комментариев впоследствии не было, кроме заметки в четыре строчки в «Вечёрке»: вынужденная посадка, несколько человек пострадало.

На той аварии Андрей познакомился с Ильиной, главным врачом центральной районной больницы. Она руководила бригадой травматологов, и, надо сказать, очень толково руководила.

«Больница», – прохрипел остановку трамвайный динамик.

Андрей быстро поднялся и протиснулся к выходу.

В районной внешне ничего не изменилось. Скорая у приемного покоя, пожилая сонная тётка в гардеробе, от руки написанное объявление – время посещения больных, строгий вахтёр, выговаривающий испуганной девушке за отсутствие сменной обуви. Всё как обычно.

Ильина была на месте, в приёмной тишина. Обычно здесь толпился народ, у всех самые срочные вопросы. «Определённо везёт», – подумал Сергеев, проходя в знакомый кабинет с бюстом Ленина и портретом Генерального.

Маргарита Ивановна Ильина, главный врач центральной районной больницы, ортопед-травматолог с большим стажем, давно уже обхаживала Сергеева, уговаривая перейти к ней на заведование неврологическим отделением. С перспективой на должность начмеда. Сергеев не отвечал ни да, ни нет, поскольку сам для себя этот вопрос ещё не решил. Обещал подумать. С одной стороны, не век же работать на скорой. С другой – рядовая неврология городской больницы, пусть даже центральной районной, ни в какое сравнение не шла с известными на всю страну инсультными бригадами. Да и зарплата на скорой выше. Вот начмед районной больницы, это уже серьёзно. В общем, Андрей попросил время на размышление. К чести Ильиной, она не торопила с ответом.

Кроме профессиональных талантов, депутат городского совета Ильина славилась осведомлённостью во всех городских делах, не только в медицинских.

Маргарита Ивановна сидела за рабочим столом, делая пометки красным карандашом на развороте газеты. Андрею она откровенно обрадовалась, усадила напротив, заказала два чая.

– Вот, материалы партконференции просматриваю, – сказала она, пододвигая Сергееву вазочку с печеньем. – Райком поручил в подшефном совхозе выступить. Ты, Андрюша, печенье бери, не стесняйся. После смены, наверное, голодный. Чего хотел-то?

Засунув в рот сразу два печенья, действительно проголодался, Андрей вкратце рассказал о странном пациенте, доставленном утром в приёмный покой.

– Да, был такой лейтенантик, – спокойно сказала Ильина. – Но его почти сразу забрали в госпиталь.

– С каким диагнозом? – напряжённо спросил Сергеев.

– Так ни с каким. – Ильина пожала широкими плечами. – Забрали и всё.

– А почему в приёмнике отвечают, что не поступал?

– Так установка такая, семнадцатый городок, повышенная секретность.

– Маргарита Ивановна. – Андрей добавил в голос просительных интонаций. – Ваши инфекционисты его осматривали, они-то что говорят?

– Ты чего так беспокоишься Андрюша? Думаешь, заразу подцепил?

– Мало ли.

– Ну похоже это на сибирскую язву. Так кожная форма, не очень контагиозная. Ты руки после вызова хорошо обработал?

– Как положено при неуточнённой инфекции.

– Ну и живи спокойно.

«Рассказать ей про бред лейтенанта? – подумал Андрей. – Пожалуй, не стоит».

– А ещё инфекционных к вам сегодня привозили?

– Конечно, привозили, мы же по городу дежури́м. Один менингит, одна дизентерия. Плюс ещё один тоже с подозрением на кожную форму, но лёгкую.

Увидев, как встрепнулся при последних словах Андрей, она успокаивающе похлопала его по руке.

– Ты, Андрюшенька, молодой ещё. А я давно в городе работаю. Это не первый случай, я тебе как доктору скажу. У нас очаг в области, то в одном, то в другом совхозе мясо заражённое находят.

– Но как же...

– А вот так. И ничего страшного, скот забивают, хоронят специальным образом. А люди не болеют почти.

– Но лейтенант-то не из совхоза! И ещё одного в сороковую увезли, тоже из семнадцатого.

– Так, наверное, им в городок мясо большое завезли. Бывает. Два случая не эпидемия...

Маргарита Ивановна говорила ещё что-то успокаивающее, но её прервал один из трёх аппаратов без диска на рабочем столе.

– Приёмник, – сказала Ильина, снимая трубку. – Пей чай, Андрюшенька.

По изменившемуся лицу главврача Андрей понял, что в приёмном покое если не ЧП, то что-то весьма к тому близкое.

– Мне надо в приёмник спуститься, Андрюша, – озабоченно сказала Ильина, поднимаясь из-за стола. – Хочешь, пойдем со мной.

– Так я без халата, – растерянно пробормотал Андрей.

Ильина открыла шкаф.

– Возьми вот мой второй, ты худенький, широковат будет. Ничего, не на показ мод идём.

В приёмнике царил обстановка, близкая к панике. Дежурный врач бестолково метался между двумя каталками, на которых лежали только что доставленные больные. Молодые парни, оба без сознания, один шумно и тяжело дышал, у второго подёргивались мышцы лица и рук. У обоих множественные чёрные язвы. Медсестра приёмного покоя, бледная, с округлившимися глазами, испуганно вжималась в стену. В конце коридора нервно переминались с ноги на ногу двое в скоровских тулупах.

Появление Ильиной произвело обычный дисциплинирующий эффект. Медсестра вернулась за стол, начала заполнять карты. Дежурный врач, слегка заикаясь, приступил к докладу.

Андрей подошёл к знакомому доктору с восьмой подстанции.

– Где взяли?

– В семнадцатом.

Андрей вопросительно взглянул на второго врача.

– На Селькоровской, тридцать.

Андрей кивнул. Улица Селькоровская упиралась в проходную семнадцатого военного городка. Делать в приёмном покое больше было нечего. Он узнал всё, что хотел, и это его совершенно не радовало. Сбывались самые безрадостные прогнозы.

– Руки хорошенько обработайте и пейте эритромицин ударным курсом, – посоветовал он докторам, снимая халат.

Ильина диктовала по телефону распоряжения в инфекционное отделение. Кивнув ей на ходу и положив халат на стол медсестры, Андрей быстро вышел на улицу. Он вдруг почувствовал, что очень устал. Надо бы домой, поспать час или два. Но сначала в военный госпиталь.

По дороге Сергеев зашёл в гастроном, взял бутылку «Слынчев Бряга». В ближайшем подъезде свернул пробку, прямо из горлышка сделал два хороших глотка. Медицинская наука не рекомендует, но не зря же на фронте наркомовские сто пятьдесят выдавали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.